

Опасные
удовольствия

ОКСАНА ОБУХОВА

РЕЦЕПТЫ СЛАДКОЙ МСТИ

Оксана Николаевна Обухова

Рецепты сладкой мести

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67053591

Рецепты сладкой мести: Центрполиграф; М.; 2021

ISBN 978-5-227-09666-1

Аннотация

Совсем недавно Вероника жила и горя не знала: готовила на заказ изысканные десерты и для желающих весьма удачно гадала на картах. Но однажды она оказалась втянутой в историю с кражей уникального бриллианта. И готово: коготок увяз – всей птичке пропасть! Теперь не только полиции, но и ФСБ требуется помощь специалиста по кулинарным шедеврам. И как будто этого мало – Вероникой заинтересовался могущественный криминальный авторитет. Хорошо еще, что у нее есть такой надежный и симпатичный защитник...

Оксана Николаевна Обухова

Рецепты сладкой мести

© Обухова О.Н., 2021

© «Центрполиграф», 2021

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2021

* * *

Игнат Котов помнил времена, когда на месте ресторана «Сибарит» была унылая диетическая столовая. Пронумерованная и безликая, с кафельными стенами и румяными полногрудыми поварами на раздаче – бесхитростными, как их ленивые творожные вареники. Под потолком, гоняя мух, бормотали лопасти двух вентиляторов. Постные язвенники пережевывали паровые овощи и каши, покорно запивали их кефиром...

Прошли те времена. Нынче жидкий столовский тюль на окнах сменили тяжелые портьеры оттенка благородного вина бордо. Снаружи, за слегка тонированными стеклами, проглядывали контуры сидящих за столиками людей, навряд ли пришедших сюда за репкой на пару. В «Сибарит» стекались

знатоки хорошей кухни, чьи кошельки не вздрагивают от немыслимой цены за самый «скромный» из омлетов.

Цоколь здания и первый этаж «Сибарита» облицованы пижонистым гранитом с красными прожилками. Парковка, правда, оставалась крохотной. Но благо переулок тихий, без офисов, супермаркетов и многоэтажных зданий.

Солидно, в общем, получилось.

Котов слегка замедлил шаг при переходе узкой улицы, внимательно оглядел припаркованные возле ресторана автомобили и попытался угадать, в каком из них засели парни из наружки.

Не получилось догадаться. Если не брать за автомобиль потрепанную синюю «девятку», то остальные тачки сплошь шикарные, натертые автомобильным воском так, что октябрьская грязь московских улиц стекает с них бесследно, как теплая водица с попки гладкого младенца.

Но, впрочем, это хорошо, решил Игнат. Не получилось у меня, не выйдет и у охранников Тополева. Не хотелось бы заставить Костю нервничать: нервничая, Костя превращается в сумасшедшую акулу, у которой вырывают из пасти кусок мяса.

Чур-чур меня, я в домике...

Постаравшись больше не озираться, Котов легко взбежал по гранитным ступенькам крыльца, распахнул тяжелую резную дверь с бронзовыми финтифлюшками. Встретился взглядом с хостес – умеренно дружелюбной брюнеткой с оси-

ной талией – и, быстро ей кивнув, посчитал, что поздоровался достаточно.

– В дубовый зал, – лаконично оповестил и получил от брюнетки приглашающий жест, направивший его к знакомому кабинету, отделанному вычурными деревянными панелями с потолка до пола.

Котов еще раз мотнул головой, на этот раз намекая, что сопровождать его не требуется. Прошел вдоль стены обеденного зала, свернул в короткий коридор, ведущий к кухне, и очутился возле высоченной дубовой двери. Открыв ее, попал в пустующий кабинет...

И только там перевел дух.

Оказывается – волновался. Чуть-чуть сильнее, чем предполагал. При разговоре с хостес голос захрипел; предчувствуя это, Котов сократил общение с ней до невоспитанного минимума. Сейчас порадовался, что пришел первым, есть время, чтобы высохшее горло промочить и вернуть себе обычную уверенность.

Игнат оглядел укрытый накрахмаленной скатертью стол со столовыми приборами – с претензией на элегантный шик серебряного века; подошел к тумбе у стены и налил из хрустального графина воды в хрустальный же стакан.

Богато все, богато... Как Костя любит.

Игнат напился. Потом отщипнул виноградину от грозди, свисающей с наполненной фруктами высокой вазы, и, жуя ее, задумался.

Константин Федорович Тополев нечасто позволял себе опаздывать. Первые годы жизни он прожил в Средней Азии и набрался тамошних хлебосольных манер: любил приветствовать гостя радушно, но как бы сразу расставляя персонажей по местам – он здесь хозяин, а некто только приглашенный. Опаздывая, заставляя ждать, Топляк, наоборот, показывал, что чем-то недоволен.

Но сегодняшнее приглашение в любимый Костин ресторан продемонстрировало Котову, что между ними вроде бы все ровно. Их ждет прекрасный ужин под неторопливую беседу. И в чем причина...

Додумать Котов не успел. Бесшумно отворившаяся дверь пропустила в кабинет молодого, почти лысого незнакомца с резкими чертами и коренастого помощника Тополева, Марата. Чьи поломанные уши не оставляли никаких сомнений, что искорежили их на татами, причем, пожалуй, не единожды.

Котов собрался поздороваться с Маратом, но наткнулся на его тяжелый взгляд и замолчал. Игнат уже заметил, что лысый держит в руках длинный предмет – сканер для обнаружения подслушивающих устройств.

Понятно. Усмехнувшийся Котов поднял руки и позволил лысому обвести себя по контуру прибором. Выжидая, продолжил чуть насмешливо смотреть в глаза Марата. Игнат прекрасно знал, что Тополев не позволит записать их разговор, он либо включит «глушилку», либо, понимая, что таким

образом отключится связь половины мобильных «Сибарита», проверит непосредственно своего гостя на хитроумные «игрушки».

Лысый, закончив с контурами тела, знаком попросил Котова достать из кармана сотовый телефон. Когда тот послушался, покрутил в руках простенький кнопочный аппарат Игната и только после этого кивнул Марату. Все чисто, мол.

На этом, к удивлению Кота, пантомима не закончилась. Так и не вернув ему телефон, лысый раскрыл дверь кабинета и движением подбородка приказал Котову двигаться на выход. И вот это стало уже приличной неожиданностью. Избыточной паранойей Константин Федорович не страдал, предохранялся, разумеется, но чтобы так – старого знакомого молчком на выход под конвоем...

Догадываясь, что его взгляд поневоле становится растерянным и даже беспомощным, Котов попытался артикуляцией заговорить с Маратом. Но борец на его попытку и расплюснутым ухом не повел. Посторонился, пропуская Игната в ресторанный коридор, и зашагал к кухне, вслед за лысым и, разумеется, Котовым.

Шагающего между двумя мужиками Котова посетила паническая мысль: сейчас его выведут через кухню на рабочий двор ресторана, запихнут в автомобиль – в багажник, с уже разбитой головой?! – и вывезут куда-то. От воображенной жути в теле завибрировала каждая жилка, по позвоночной ложбинке спины скатились капли холодного пота. Ста-

раясь выглядеть невозмутимым, Игнат ловко обогнул выступ оцинкованного стола и заставил себя приглушить желание стянуть филейный нож с разделочной доски.

Не выйдет. Бесполезно. Идущий позади Марат способен одним махом сдернуть с повара фартук и спеленать им конвоируемого с ловкостью паука, нацелившегося на мошку. Пусть даже Котов выше его почти на голову. Пусть даже здесь свидетелей тьма-тьмушая.

Лысый первым миновал кухню, дотопал до обитой железом задней двери «Сибарита». Секунд десять он таращился в дверной глазок и, лишь тщательно оглядев улицу, позволил Котову и борцу выйти на крыльцо.

Все так же молчком Марат подтолкнул Игната в спину, и тот, сделав один короткий шаг, наклонил голову и проник в кузов раскрытого фургона, поставленного у крыльца почти вплитирку к двери.

Котов не успел разглядеть наружность транспорта, но был уверен, что грузовичок выглядит доставщиком какого-нибудь провианта. Мяса, хлеба, круп... Какая разница, к чертям собачьим! Главное, что транспорт запросто вывезет его от ресторана куда угодно и бесследно.

А потому настал момент помолиться за свою жизнь и крепкое здоровье. Котов настраивался на мирную встречу двух старых приятелей, а вона как все обернулось. Словно в старозаветном воронке, он едет в железном ящике без окон. По бокам «ящика» прикрепленные к полу скамейки; на по-

толке, едва пробивая запыленный продолговатый плафон, горит застенчивая лампочка. Как только Котов, лысый и Марат оказались внутри фургона, кто-то захлопнул его дверцу, и раздался звук запираемого наружного замка, донесся легкий топот – этот некто пробежал до пассажирской двери грузовичка, запрыгнул на сиденье...

Машина сразу тронулась. Разместившаяся на лавках троица колыхнулась. Котов сделал лицо максимально недовольным и принялся исподлобья мрачно разглядывать визави, Марата. Чье людоедское лицо внезапно довольно ослабилось. Борец шлепнул широченной лапищей по колену Игната и дружелюбно проревел:

– Чё?! Очканул, братишка?.. Вспотели булки-т?! – и, отвернувшись, тоном человека, хорошо исполнившего поставленную задачу, своеобразно, пожалуй, извинился: – Мне говорят, Кот, я делаю.

Игнат сделал вид, что принял это к сведению. И постарался привести в порядок взбаламученный рассудок.

Железный ящик уже промчался по переулку и дважды поворачивал. Причем один раз так лихо, что Котов проскользил по лавке и впечатался плечом в твердокаменную грудь сидящего рядом лысого. Культурного и хладнокровного, как обелиск на Новодевичьем.

Из-под скамейки выкатился крохотный посверкивающий цилиндр, и Игнат невольно вздрогнул: показалось – гильза прикатилась прямо под ноги! Пустая, легкая и жутко симво-

личная.

Не меняя положения тела, Котов опустил глаза... Нет, твою мать, показалось. По полу катался фильтр от выкуренной сигареты, бронзово-коричневый, чуть-чуть посверкивающий...

Незаметно выдохнув, Игнат слепо уставился в противоположную стену и начал выбирать тактику поведения на предстоящей встрече с Тополевым.

Обидеться за недоверие?.. Пожалуй, не стоит. Обида с Костей не прокатит: ему плевать на все душевные расстройства, особенно когда дело касается пяти лимонов евро. Тут Тополев однозначно в своем праве.

А потому достаточно насыпать сухости при встрече. Повести разговор в демонстративном стиле «покупатель-продавец» и расстаться кораблями в тихом (криминальном) море.

Пожалуй, да. Отдать товар, индифферентно получить бабло и сделать Косте ручкой.

Размышляя и прикидывая, Игнат машинально считал повороты грузовичка. Похоже, фургон двигается в юго-западном направлении. За город, к МКАД.

Но, впрочем, двигался грузовичок недолго. Куда-то повернул на тихой скорости, остановился, и тут же вдоль борта протопали знакомые шаги. Задняя дверца распахнулась, в проеме показался тощий тип в великоватом камуфляжном костюме и черной бандане. Кивнув Марату в принятой нын-

че молчаливой манере, мгновенно испарился в сторону кабины.

Едва троица пассажиров выпрыгнула из фургона, грузовичок шустро развернулся на небольшом пяточке за углом бетонной пятиэтажки и умчался, скрытый мокрым осенним сумраком.

Марат шагнул к черному джипу, припаркованному под кустом облетевшей акации, и произнес:

– Поехали дальше, Кот. Константин Федорович ждет.

Когда джип с разместившейся троицей помчался по загаженному строительным мусором пустырю, начавшемуся за окраинной пятиэтажкой, Котов даже не попытался поглядеть назад, чтобы проверить, есть ли хвост за тачкой. Кивок мужика в бандане наверняка обозначал: «Все чисто, Марат Ибрагимович. Слежки не было».

Почему дико богатый Костя не продал домик в не самом престижном районе Подмосковья, Котов, один из немногих, пожалуй, понимал: Топляк здесь ностальгировал. По безбашенным голодным временам начала девяностых, когда поволчьи рвал чужих и даже ближних, когда кровь закипала при виде оголившегося женского бедра. Сейчас, в пятьдесят с приличным гаком, так и стриптиз его уже, поди, не зажигает. А банька в цоколе еще помнит, помнит стоны-хрипы-вздохи...

Хотя деревянную обшивку предбанника подвальной сау-

ны Топляк все же обновил. И небольшой бассейн, кажется, поменял оттенок керамической плитки. Вроде бы раньше в сложном тоне «морская волна» было больше зелени, сейчас вода казалась более сочной, яркой, практически лазоревой.

Да, точно, орнамент дна теперь другой. Тогда русалки там резвились, сейчас дельфины плавниками воду режут...

Погруженный в воспоминания Котов замедлил шаг, проходя мимо бассейна к повороту, за которым, в глубокой нише, располагался деревянный стол и лавки. Внезапно перламутровые блики плитки показались ему зябкими, лучи погруженных в воду ламп как будто выбросили ледяные иглы, бассейн оброс шипастым инеем... Припомнился неподтвержденный слух: когда-то Костя притопил в этом бассейне борзую проститутку...

Дьявол, как не вовремя-то! Резко отогнав вызванное памятью наваждение, Котов повернул за угол, и на него обрушился густой бас Тополева:

– Кот, дорогой, ну наконец-то! Садись, садись, располагайся... Заждался я тебя, пропавшего...

Невысокий плотный Костя, запахивая белоснежный халат на тугом брюшке, привставал из-за накрытого стола. Его радушие вполне можно было принять за чистую монету: накрытый стол ломился, в запотевшем графине дожидалась водочка, сам Костя уже баловался коньячком. Из простецкого граненого стакана. Ностальгировал, видать, по полной.

– Ну, здравствуй, друг, – рассыпался Тополев. – Марат! –

рвякнул неожиданно. – Прими-ка у Кота одежду.

Игнат неторопливо стянул с себя куртку и протянул ее появившемуся из-за угла борцу. Оставшись в пиджаке, одернул его рукава, поддернул джинсы и сел напротив добродушно скалившегося Тополева.

– Ну? – спросил тот. – Накатим, Кот? За встречу. Коньяк, водка?

Марат, на предплечье которого, словно полотенце официанта, повисла куртка Котова, вопросительно задрал прочерченные шрамами брови.

– Коньячку, – подумав, выбрал Игнат. Пока подручный Тополева наполнял второй стакан, Котов стянул с тарелки бутерброд с икрой и начал его мрачно пережевывать.

На Костю не смотрел. Спрашивать «Зачем устроил этот цирк? Пригласил в одно место, потом, как чемодан, в другое переправил», пожалуй, глупо. Игнат, приподнявшись с лавки, достал из кармана джинсов бархатный футляр, поставил его перед Тополевым и только тогда прямо посмотрел в его глаза.

Но Костя, крайне удивив гостя, к футляру даже не приронулся. Вытягивая вперед нижнюю губу, задумчиво рассматривал недовольного приятеля.

– Что-то не так? – поинтересовался жующий Котов.

Топляк не ответил. Показал взглядом на наполненный наполовину стакан Игната и подождал, пока тот его поднимет. Чокнулись. За встречу.

Выпили.

– Закусывай, – предложил Тополев. – Рыбка, мясо...

Шашлык, правда, немного остыл. Но ребята подогреют.

– Спасибо, я сыт. Давай о деле.

– О деле так о деле, – легко согласился Тополев и, устраиваясь поудобнее, сел полубоком. Закинул ногу на ногу, прикрыл волосатое колено полой мягкого халата. Податливого и ласкового, как бывавшие здесь девушки. – Открой! – указал взглядом на коробочку.

Кот, налегая грудью на стол, дотянулся до футляра, медленно, неторопливо откинул бархатную крышечку... Внутри коробочки как будто разгорелось пламя: в атласной ложбинке, пуская искры во все стороны, лежал крупный розовый бриллиант. «Поцелуй сильфиды».

Котов плавно развернул раскрытый футляр к Тополеву. Но не подвинул. Уже убедился, что Костя почему-то не хочет до него дотрагиваться. Не собирается брать в руки многомиллионный камень, которого желал так страстно, что был готов отдать очень, очень неплохие деньги за ворованный алмаз. Глаз от «сильфиды» отвести не мог, но коротких жадных пальцев не протягивал. Только губы несколько раз облизнул и, самостоятельно налив себе коньяк, метко выплеснул его в горло.

Закашлявшись, закусил ломтиком дырчатого сыра.

– Итак, Кот, давай к делу. – Подумал пару секунд, дождался сыр и продолжил: – Когда я покупаю завод или баржу, их

подноготной занимаются мои юристы и экономисты. Когда я, – Топляк сделал упор на личное местоимение, – покупаю вещь, то хочу знать всю ее историю. Всю. Думаю, это понятно. Каждая приличная вещь, – волосатый Костин палец почти дотронулся до бриллианта, – должна иметь достойное ее прошлое.

– Желательно скандальное? – попытался пошутить Котов. – И цена от этого возрастает?

– Не наглей. Я предложил тебе достаточно. Я не прошу тебя, Котик, рассказывать в подробностях, как ты это добыл, специалист имеет свои фишки. Но поговорить нам все-таки необходимо. Много мутного вокруг вещицы, Котик, давай-ка, дорогой, мы муть немного разгребем.

Игнат держал паузу, так как вопросов пока не было. И по большому счету в просьбе Тополева не оказалось ничего сверхнеожиданного. История с похищением «сильфиды» на самом деле выглядела зыбкой.

Но все провисшие места Котов заранее подредактировал. Так, что вроде бы и не придраться.

И все же требовать от честного вора подробных пояснений, практически доклада, мягко говоря, неправильно. Здесь Котов вправе отказать: «Если тебя что-то не устраивает, настаивать на сделке незачем. Разойдемся, Костя, мирно, без обиды».

Но уходить никак нельзя. Котов, продолжая держать воровскую марку, задумчиво посасывал дольку лимона и впри-

щур смотрел на Топляка.

– Согласен, – неожиданно кивнул тот. – Твои секреты – твое право. Ты человек уважаемый, даром что у «хозяина» ни разу не был. Давай поступим проще: я рассказываю тебе историю, как я ее знаю, ты, если что, меня поправишь. ОК? – Так и не дождавшись ответа гостя, Федорович приступил: – Как известно всей ювелирной Москве, «сильфиду» умыкнули из домашнего сейфа Сальникова, когда в его доме, на праздновании дня рождения дочери, собралась тьма-тьмушая народа. И сейф, что поразительно, открыл его шестилетний сынишка. Так? – Котов снова не ответил, и Тополев хмыкнул. – Шестилетний пацан вскрыл сейф папы-ювелира... Но предположим. Чего на свете не бывает. Кстати, Кот, хочу тебе сказать, что затея с баночкой икры и тем, как выехала с оцепленной территории твоя наводчица, – просто блеск. Этот финт ты придумал или кто-то из твоих девчонок постарался?

– Девчонок? – недоуменно воткнул Игнат.

– Да ладно, Кот, – с деланой небрежностью отмахнулся Тополев. – Их у тебя две. Было. Одна – Вероника, другая – Жанка. Увы, покойная. Про тетку, что погибла на квартире Вероники, я уже знаю. Там все ровно: несчастный случай, пьяная баба сама упала и голову разбила. Но вот Жанна... это ты ее? Или тоже типа сама?

Котов нахмурился, и Тополев примирительно фыркнул.

– Да ладно, ладно. Дело прошлое и только твое. Хотя

жаль, конечно... Если помнишь, я говорил: за каждым путным камушком должна тянуться кровушка. Но нет так нет, – вздохнул. – Расскажи-ка мне о Веронике.

– О Веронике? – откровенно поразился вор и отложил дольку лимона. – Она-то тут при чем? Случайная девчонка.

Последние слова Кот произнес довольно резко, и Тополев внезапно поменял манеру разговора.

– Случайная девчонка, говоришь? Случайная девка вывезла «сильфиду» от Сальниковых?! – И перегнулся через стол. – Кот, это я решаю, что здесь случайно, а что нет! Если бы ты ерундить не начал, я б тебя сейчас вообще ни о чем не спрашивал – встретились, обменялись, разошлись! Думаешь, – взгляд Топляка сделался колючим и безжалостным, – я не знаю, что ты на тот вечер билет на самолет до Ниццы забронировал? А потом пропал и отказывался отдавать «сильфиду»? Мне отдавать!

Известие, что Тополев узнал о предполагаемом отлете Котова, заставил вора прилично помертветь. К такому повороту он не подготовился. Все выглядело так, словно Топляк поймал его на лжи, и, как теперь выкручиваться, Котов не представлял.

Зато ничуть не сомневался: если он не сумеет предоставить достаточное объяснение, то вскоре неподалеку от этого дома, в лесу, появится свежая могилка под дерном.

«Возможно, он потому меня сюда и вывез, – подумал Котов. – Знал, чем наш разговор закончится».

– Костя, мой отлет в Ниццу был страховочным вариантом, – мерно, стараясь, чтобы звучало убедительно, заговорил Игнат. – Если бы Жанна не смогла взять «сильфиду» в доме, я вылетел бы вслед за Сальниковыми на Лазурку и уже там доделал дело. Сальниковы редко доставали камень из банковского сейфа, все так срослось, что мы должны были использовать момент по максимуму и...

– Ладно, проехали, – с удивительной легкостью, перебивая, отказался развивать тему Топляк. – По максимуму так по максимуму. Про девочку, про повариху расскажи.

– Да левая девчонка! – вспыхнул Котов. – Я ж говорю: случайный человек!

– Случайная, говоришь? – ухмыльнулся Тополев. И прошептал: – Котик, в тот день ты ей звонил. Дважды. Причем с телефона, через который уже связывался со мной. – И недоуменно, даже с обидой, поинтересовался: – А чего с моего-то? Другого, что ли, под рукой не оказалось?

Котов мотнул низко опущенной головой. Топляк все сильней припирал его к стене!

– Не оказалось, – честно признался. – Выбора, Костя, не было. Но тебя же к тому телефону привязать нельзя, да и потом я тебе отзвонился, предупредил, чтобы ты от мобилы избавился.

– Какой молодец, – язвительно похвалил Тополев, – предупредил. А чего за левую девочку так переживаешь? Спишь с ней, что ли? – хмыкнул.

– Если бы, – вздохнул Игнат и прямо поглядел на собеседника. – Не трогай ее, Костя, пожалуйста.

– Это почему?

– У Ники – любовник мент.

– О как. – Тополев на некоторое время замолчал. – И что... серьезный мент?

– Серьезней некуда. Это он ту бабу-соседку, а потом и Жанку замочил. Договорился с экспертизой, чтобы смерть соседки признали несчастным случаем.

Тополев в задумчивости вытянул вперед нижнюю челюсть. В предбаннике повисла тишина. Звук сорвавшейся с потолка бассейна капли ударил по воде, словно яблоко упало на днище перевернутой бочки.

– Мент-ликвидатор? – пробормотал Топляк. – Настоящий?.. Солидно. – И уставился на простецкую рыночную чеканку, висевшую на стене за спиной Игната. – Интересная компания у тебя, Котик, подобралась, однако, – вернул взгляд на Котова. – Мент-мокрушник, девочки-наводчицы... Одну, кстати, в лучшие дома готовить приглашают, к Сальниковым, например. Но вот что интересно... раньше ты один работал. Причем, прости, гораздо чище. Как мент Жанку-наводчицу завалил? – выбросил резко.

– Отравил. У него, у Макса, бывшая жена – кардиолог. Он Жанке каких-то медикаментов в сок подсыпал, та и... откинулась.

– А чего не поделили? Бабки?

– Думаю, нет. Макс решил перестраховаться, когда еще не был уверен, что удастся договориться с экспертом относительно смерти соседки. Концы убирал. Жанка же истерить начала, когда узнала про убитую соседку Вероники. Это ведь, Костя, уже совсем другая история получалась. Кровавая.

– Да, – криминальный воротила неприязненно причмокнул губами, – раньше ты действительно работал чище. – Достянулся до угловой тумбочки между лавками, достал из выдвижного ящика лист бумаги и авторучку. Протянул их Котову. – Напишешь все-все-все о менте и поварихе. А пока еще вопрос. Зачем твой мент соседку завалил?

– Нелепость, случай, Костя. Тетка в подъезде от пьяного мужа пряталась, когда Макс, встретив Веронику от Сальниковых, поднимался с ней по лестнице. Соседка что-то подслушала, Макс ее и ударил, на нервах. А потом, уже мертвую, занес в квартиру Ники. – Котов печально усмехнулся. – Честно говоря, подозреваю я, Костя, что тетка подслушала, как Макс уговаривал Нику не делить пять лимонов на троих.

– Жадный, значит, падла, – пригвоздил Тополев капитана Ковалева. – Пиши о нем, Котик, пиши. Нам такой пригодиться может...

Спустя полчаса, отказавшись попариться, Котов вышел на крыльцо. Поежился от ветра, ударившего по щеке отрезвляющей ледяной пощечиной. И, приподняв воротник куртки, спустился к джипу, где его поджидал Марат.

– Я позавчера на кладбище был, – сообщил подручный Тополева, – у Шаланды. Венок от Федоровича привозил, надеялся, может, тебя там встречу. Ты еще помнишь – девятое октября?

– Конечно помню, – кивнул Игнат. – Не смог приехать, занят был.

– Ну-ну.

В голосе бывшего борца Котову слышался упрек. Миша Шаланда, получивший прозвище от своего первого длиннономерного грузовика – обласканного и отчищенного, словно призовой рысак! – был другом детства Котова. Они выросли в одном дворе, вместе делали рогатки, прикрепляя к ним резинки от трусов... Когда-то именно Шаланда познакомил Тополева и Игната. В те времена первый крышевал столичные ларьки и только-только поднимался, Котов только-только осваивал шниферское ремесло. А Миша тогда был насквозь законопослушным. Это потом, когда Косте понадобилось легализоваться, он начинающего грузоперевозчика под себя подмял. Лет пятнадцать они после вместе хороводились, пока Мишке снайперская пуля не прилетела в сердце...

Жаль. Хороший был мужик, толковый, верный.

Котов сел на заднее сиденье джипа, Марат усаживаться с ним не стал. Хмуро попрощался и захлопнул дверцу.

– Куда? – поинтересовался у Кота водитель.

– К метро, – буркнул пассажир и усталый взгляд в окно,

исчерченное слезами дождя.

Главным достоинством наемной квартиры, обставленной чистенькой безликой мебелью из «Икеи», была шаговая доступность от станции метро. Прошагав до нужного подъезда, Котов бросил взгляд на два темных окна на пятом этаже, замешкавшись под козырьком, поглядел по сторонам...

Нет, бесполезно. При расставании Топляк задекларировал доверие, а Кот прилично его изучил, чтоб знать: продемонстрировав что-то широко и явно, Топляк так же демонстративно этого придержится. Авансом нежной дружбы, так сказать.

Игнат поднялся на лифте до пятого этажа. Раскрыл дверь и, шагнув в узкую прихожую, зажег там свет. Запирая замок, прислушался к человеческому дыханию за своей спиной.

Ага. Ждали его. Нетерпеливо, судя по пыхтению.

Развернувшись, Котов некоторое время подбрасывал на ладони ключи от квартиры и смотрел на двух мужчин, застывших в дверном проеме темной гостиной. Смотрел и ничего не говорил.

Два силовика – капитан Окунев из МУРа и майор Красильников из ФСБ – тоже хранили молчание. Только едва сдерживаемое.

Игнат красноречиво показал пальцем на воротник своей куртки, которую отдавал Марату, и пожал плечами: мол, знать не знаю, пришилили ли туда жучок.

Красильников, сухопарый интеллигентный очкарик, понятливо кивнул. Достал из кармана небольшую коробочку и быстро провел ею по контуру тела Котова, пока тот, мыском о пятку, скидывал ботинки и мрачно размышлял о бытии: «Ну прямо дежавю какое-то...»

Не обнаружив на одежде Игната подслушивающего устройства, фээсбэшник взволнованно зашептал:

– Ну, наконец-то! Пришлось понервничать, когда мы вас потеряли...

– Знаю, – перебил Игнат.

Раздвигая плечами дождавшихся его силовиков, он прошел через гостиную до окна, задернул плотные шторы и только после этого включил полную иллюминацию – невыразительную пятирожковую люстру из упомянутого магазина. Поглядел на гостей, стоически проявлявших терпение. Вздохнув, достал из кармана бархатную коробочку и бережно положил ее на журнальный столик, стоявший посередине комнаты, возле дивана и двух кресел, обитых коричневым кожзаменителем.

Служивые на футляр воззрились так, словно Котов предъявил им разложившуюся гусеницу.

– «Сильфида»... там? – Недоумевающий Красильников склонился над столом, раскрыл футляр и поправил сползшие очки. Как будто понадеялся, что станет видеть лучше и оптический обман исчезнет. – Тополев не взял «сильфиду»?!

Кот хмыкнул. И исчез из комнаты.

Вернулся уже с бутылкой холодной водки, взятой из холодильника, и стаканом-тумблером. Все так же оставаясь в куртке, налил себе на две трети тумблера и под укоризненными взглядами нервничающих силовиков медленно, со вкусом выщедил ледяную водку.

Гостям ее не предложил, поскольку был уверен, что те откажутся. Перед разговором, читай, докладом, Котов предпочел снять стресс, иначе начал бы он, как хотелось, с обвинений по адресу спецслужб России. В дороге перед мысленным взором вора порой возникала истерическая сценка из «Бриллиантовой руки»: «Шеф, все пропало! Гипс снимают, клиент уезжает...»

Смешно. И страшно. Было.

Игнат медленно снял куртку, бросил ее на подлокотник дивана. Прочувствовал тепло, пролившееся от гортани и желудка по всему телу, сел в кресло и, наконец, ответил:

– Не взял. И даже не дотронулся. Но главное, не задал мне ни одного вопроса, к которому мы подготовились.

Котов говорил размеренно и тихо, признаться честно, он еле-еле заставлял себя повествовать. Ему б сейчас допить бутылку, принять горячий душ и завалиться в койку! Но нужно говорить. Необходимо думать. Усевшиеся на диван силовики терзали его взглядами, но снова ждали, пока вор продолжит.

– Федорович не спросил меня, где и почему я пропадал несколько дней, а потом тянул со встречей. Мне показалось,

что его в принципе больше интересует Вероника Полумятова, чем чертова «сильфида». – Некоторое время Котов, наслаждаясь, смотрел на вытянувшиеся физиономии капитана и майора. Не все же ему одному офигевать! – Его интересовал не долгожданный камень, ребята, а, – Игнат развел руками, – наша девушка-кондитер. Нормально, да?

– Вероника? – недоуменно уточнил Окунев. Симпатия и завязанный щеголь, в котором ни один прохожий не угадал бы опера из МУРа. – Но она-то тут при чем?

– Игорь Станиславович, можете мне поверить, – невесело усмехнулся Котов, – я этот же вопрос задал Тополеву не один раз.

– И?

– Без комментариев. Но интерес, вне всякого сомнения, нешуточный.

Сидящий Окунев сторбился, приложил ладони лодочкой к лицу и шумно дунул между ними.

Десять дней назад, едва в деле о краже «Поцелуя сильфиды» замаячил Константин Федорович Тополев, дело передали в ФСБ, ибо разработка фигуры масштаба Топляка – уже их делянка. Но полицейскому Окуневу предложили примкнуть к группе, много лет разрабатывавшей Тополева, так как появилось обоснованное подозрение: у Федоровича в МВД или непосредственно в МУРе есть информатор, и нет никакой гарантии, что тот не из отдела собственной безопасности. А поскольку капитан Окунев уже плотно находился

в теме и точно не был стукачом, ему предложили присоединиться к фээсбэшникам. Не будет лишним, если при разработке Тополева удастся еще и его информатора засветить...

Короче, Окунева прикрепили к группе. Которая детально разработала легенду для согласившегося сотрудничать вора. Из дела убрали малейшие намеки на случайное участие Вероники Полумятовой. Все нестыковки незатейливо списали на покойную горничную Жанну Елизарову, которую уже не спросишь...

Тянули время, как могли! Отдавать настоящую «сильфиду» Тополеву никто бы, разумеется, им не позволил, а достойный поддельный бриллиант за пару дней не изготовить.

И вдруг, когда, казалось бы, Тополева прежде всего должно было интересоваться, куда на несколько дней пропал Котов, он спрашивал о Веронике. Навзрыд обычной двадцатилетней девушке, кондитере-фрилансере, искренне погруженной в свои тортики и кексики.

– И на фигу она ему сдалась? – Окунев задал вопрос, у всех крутившийся на языке, недоуменно почесал в затылке, вздохматив пижонскую стрижку, и перевел растерянный взгляд на представителя всесильной конторы. – Кирилл Андреевич, ты что-нибудь понимаешь?

Тот лишь повел плечом и обратился к Котову:

– Игнат, давайте-ка по порядку. Из «Сибарита» вас вывезли на белом фургоне?

– Да. Ваши за нами проследили?

– Не удалось, – поморщился конторщик. – И Тополева мы тоже потеряли на подземной парковке супермаркета, где он перепрыгнул в другую...

– Не важно, – перебил Игнат. – И кстати, хорошо, что ваши за фургоном не поехали. Иначе, если бы их срисовали, у меня были бы очень серьезные проблемы.

Мягко выразился. Но умным собеседникам – достаточно.

Котов, вспомнив поездку в воронке, невольно передернулся. Плеснул себе еще немного водки, но продолжил говорить, не выпив. Обличительно указал на Окунева рукой с зажатым стаканом.

– Игорь, ты говорил, что все подтер. Можно сказать, гарантировал... – Вор позволил себе, как было уже прежде, обращаться к капитану по имени. – Но протекает, господа, в вашей богадельне по-прежнему зверски. Я чудом жив остался.

Кот выпил, прижал к губам тыльную сторону ладони со стаканом и замолчал.

Угрюмые силовики говорить тоже не торопились, обменивались взглядами и помалкивали, поскольку прилетело им по месту и заслуженно.

Но, впрочем, каяться никто из них не собирался. Про информатора из МУРа Котов знал, на встречу с Тополевым согласился добровольно.

А встречу эту подготовили достаточно! Сегодня половина посетителей «Сибарита» была с незримыми погонами, и под-

ступы проверены, и бриллиант помечен изотопом, так как существовала надежда не только взять Константина Федоровича как заказчика «сульфиды», но и довести его до секретной норки, где он хранит коллекцию, включающую в себя и другие «экспроприированные» раритеты. В план мероприятий, стоит добавить, включили надзор за парой доверенных ювелиров Тополева, к которым тот мог обратиться для оценки драгоценности.

Теперь, конечно, ясно, что время на оценщиков потрачено впустую: Топляк изначально не собирался брать «сульфиду»...

– Черт! – внезапно выругался Котов и выпрямил спину. – Черт! До меня только сейчас доходит, что Костя не сказал ничего нового! Он убедил меня, что знает, кто увез «сульфиду» от Сальниковых... Вероника. Но вдруг... – вор обвел силовиков взглядом серьезно обмишурившегося человека, – вдруг он меня на понт взял, а? – Поставил стакан на столик и резко хлопнул ладонью по столешнице. Как будто гвоздь забил. – Мать твою! Ребята... да я же сам ему все подтвердил! И дальше развивать не стал – замандражировал, ссыкнул! А мог он догадаться, а? Мог просчитать события?!

Да. Мог. Учитывая информатора из МУРа.

Котов расстроился и замолчал, сосредоточил взгляд на спинке дивана между муровцем и фээсбэшником и накрепко задумался.

«Ребята» его не подталкивали, не торопили. Вернувший-

ся Котов только-только приходил в себя и начинал обрабатывать адекватно, без давления паники.

– Клоун, блин, – в итоге обругал себя Игнат. – Если подумать и вспомнить детали... Костя знает многое, но только то, что было до того, как дело передали в ФСБ. А новых сведений у него нет. Ни капли! Иначе он не стал бы со мной встречаться... или грохнул еще на подходе к ресторану... – Вор обескураженно поглядел на муровского капитана: – Прости, Игорь, я, кажется, зря на тебя наехал.

Вспоминая каждое слово из беседы в сауне, Игнат повел рассказ, заново переосмысливая ситуацию. Каялся практически. Не мог понять, как он, опытный человек, попался в расставленную Топляком ловушку. Разболтался!

Да, нервничал. Да, все пошло не так. Не выстрелила ни одна домашняя заготовка. Увидев, что Топляк нешуточно нацелился на «левую» девчонку, Кот попытался вывести ее из-под удара, сообщив, что у той любовник – полицейский. Причем такой, что лучше с ним не связываться.

Слушавший этот фрагмент Окунев аж побледнел, когда услышал, что теперь Топляк считает, будто капитан Ковалев – отороженный убийца, и перебил рассказ:

– Ну ты и дал, Игнат! Как ты вообще до этого доду...

– Спокойно, Игорь, – оборвал его Красильников. – Все в порядке. Идея превратить Ковалева в киллера может получить широкое и интересное развитие. Продолжайте, пожалуйста, Игнат.

Котов кисло поморщился. В отличие от расстроенного муравца конторщик мгновенно скумекал, что из предложенного замеса – в криминальном мире ненароком объявился прилично замаскированный наемный убийца – можно вылепить интересную конструкцию. При первой встрече майор вообще вызвал у вора ассоциацию с неспешным и коварным богомолем. (Причем не мужского пола, у богомоллов за злодеяние отвечают дамы.) Чуть позже, правда, это впечатление развеялось, Красильников вел себя с подследственным воспитанно и ровно. Но иногда при взгляде на тонкорукого и тонконового майора с несоразмерно крупной головой у Котова вновь появлялось подозрение, что тот легко откусит голову уже ему. После того как, деликатно говоря, использует.

– Да нечего продолжать, Кирилл Андреевич, – вздохнул Котов. – Я написал Косте все, что знаю о капитане с Вероникой, и уехал.

– А откуда вы вообще о нем знаете? – удивился майор. – Насколько мне известно, вы с ним ни разу не встречались. Контакт с районной полицией у вас не было.

Котов горько усмехнулся:

– Когда понимаешь, что тебя вот-вот прихлопнут, вспомнишь все, что краем уха слышал...

Тут Котов сказал чистую правду. В день, когда он решил угнать машину Ники, он бродил по ее огромному двору, выискивая уличные камеры наблюдения, тем самым краем уха зацепился за болтовню соседей возле детской площадки,

услышал имя «Вероника» и притормозил. Изобразил, будто набирает сообщение на телефоне.

Соседки обсуждали недавнюю трагедию, гибель Светы Николаевой, чье тело обнаружили в квартире Вероники. Жалели их обеих – покойную и несчастную Нику, из жалости пустившую к себе побитую мужем соседку.

– Досталось же Вероничке, – сетовала щекастая тетушка в заливчатской фетровой шляпке с перышком. – Затаскают ведь теперь в полицию.

– Ага, как же, – самодовольно фыркнула толстушка в синем пальто, едва сошедшемся одной пуговицей на животе. – Как ее затаскают, когда к ней Максимка Ковалев таскается ночами. Мне Николаич говорил, – понизив голос, зашептала, – что Макс к ней ночью ходит. А он – полицейский, капитан. Свою зазнобу защитит уж как-нибудь.

– Не верю что-то, – пробормотала собеседница. – Максим ходит к Веронике?

– Да точно, точно! Николаич с собакой выходил гулять, сам видел, как он к ней шастнул. Ночью.

– Да ну тебя, – отмахнулась фетровая тетушка. – Вероника – приличная, она с его бывшей женой дружила, с Марьяной. Илона говорила, что Марьяна к Нике погадать ходила, и все сбылось.

– Вот так, значит, и дружила-гадала, что мужа увела, – безапелляционно пригвоздила толстушка. И протянула: – А уж какой кардиолог Марьяна... дай бог каждому. Я к ней на

среди записана...

Кумушки переключились на общие болячки, вор отправился машину угонять.

Но позже все-таки решил узнать, что за капитан такой, Максим Ковалев, появился возле Вероники. И оказалось – пригодилось. Когда могуче припекло.

Котов прекрасно понимал, что, выкручиваясь – по сути дела мечтая попросту уйти живым! – он подставляет Веронику, которую едва-едва сумели вывести из дела, будто ее там и вовсе не было. Смерть Светланы, правда, объявили несчастным случаем уже из-за Котова. Игнат действительно убил ее случайно: разъяренная женщина выскочила на него из кухни с острым тесаком в руках. Убийство переквалифицировали на самозащиту.

Но на сотрудничество с ФСБ вор, говоря по правде, согласился не ради смягчения обвинений. Многие годы в его голове сидела заноза: это Топляк Шаланду заказал, убрал, когда большие деньги потекли. И, помня это, Кот с Костей ни за что бы не связался, если б не настойчивая жадность Жанны.

О чем теперь жалеть? Сам виноват.

Но вот в вопросе с Вероникой нужно было проявить упорство. Отвести от нее Тополева раз и навсегда!

Прислушиваясь к беседе двух силовиков, полуоткрыто обменивающихся полунамеками, Котов подавил желание налить себе побольше водки – градус его почти не забирал, но

все же помогал расслабиться. И хоть немного смыть вину.

– Игнат, как думаете, почему Тополев отложил покупку «сульфиды»? – обратился к нему Красильников. – Он что-то заподозрил?

– Нет. Если бы Костя что-то заподозрил, я бы сейчас здесь не сидел. Мне показалось, что его всерьез заинтересовала Вероника. И Ковалев. Костя будет их пробивать, а «сульфидой» он меня на крючке держит, думает, без денег я от него не сорвусь.

– Пожалуй, – согласился недовольный провалом операции конторщик.

– Может, вам Веронику увезти из Москвы? Куда-нибудь... – Котов произвел туманный жест.

– Нельзя, – отчеканил фээсбэшник. – Если она исчезнет, вся разработка – псу под хвост. На Тополева у нас ничего. – Кирилл Андреевич расстроено мотнул лобастой головой. – Впервые появилась реальная возможность его зацепить, так что придется потерпеть, подстроиться...

Вор перебил:

– Напомню, что «сульфидой» Костя все еще заинтересован.

– Но он же ее не взял, – парировал Красильников. – Значит, девушка ему важнее. Так? Вы сами, Игнат, об этом говорили.

– Ох... – Котов подался назад, прижался к спинке кресла. – Говорил. Но это ж Костя, господа. С ним никогда не

знаешь, как все обернется.

– Можете поверить, Игнат, что я об этом помню.

– Ой ли?

– Марьяна Викторовна, к вам еще пациент. Примете? – В кабинет врача просунулось очаровательное личико Ирочки из регистратуры частного кардиологического центра.

Не дожидаясь ответа, Ирочка прошла до стола доктора. Положила перед Марьяной Викторовной новую карточку и вопросительно изогнула бровь.

Марьяна глянула на часики, окольцевавшие ее тонкое загорелое запястье, прикинула, что до приема в городской поликлинике еще полтора часа. Кивнула:

– Да, успею.

В этот дорогуший кардиологический центр Марьяна устроилась совсем недавно. Еще не поняла, нравится ей здесь или нет. Оплата, безусловно, достойная, и коллектив (пока) приятный, но пациенты... как бы поделикатней выразиться, излишне притязательные. Иногда у Марьяны появлялось ощущение, что бабки с сумочками от Гуччи приходят сюда просто поболтать о наболевшем. И их, как предупредили при приеме на работу, нужно обязательно выслушивать. Причем отнюдь не стетоскопом.

Пациентка втекла в кабинет кардиолога, шурша шелками многоярусной пышной юбки в модный горошек. Нервно тиская ридикюль Шанель с отлично узнаваемой строчкой ром-

биком, пристроилась на стуле возле стола Марьяны, продолжавшей быстро заполнять карточку предыдущего пациента. Поправила яркий шарфик и, чуть поерзав, принялась трещать. Без пауз.

– Здравствуйте, Марьяна Викторовна, очень рада вас видеть, может быть, вы меня помните, мы когда-то жили рядом, в доме напротив до сих пор мой сын с невесткой проживает, и вот она мне посоветовала...

Слов нет, Марьяне нередко приходилось сталкиваться с пациентами, имевшими так называемую «реакцию на белый халат». На одних при виде доктора наваливается пугливая немота, другие, наоборот, не могут остановить пулеметное словоизвержение.

Эта нарядная остроносая дамочка в платиновом парике-каре, по всей видимости, принадлежала к числу последних.

– ...Ах, какая у вас была замечательная пара! Я не уставала вами любоваться. Ваш бывший муж, Марьяна Викторовна... какой мужчина, ну просто картинка! Неудивительно, что его сразу прибрала к рукам эта тощая Вероника...

Авторучка доктора замерла над заполняемой карточкой. Марьяна подняла глаза на... как ее там... Клару Геннадиевну. Прищурилась и на самом деле постаралась ее вспомнить.

Дама, заметив, как на ее слова отреагировала доктор, с картинным испугом приложила к губам крохотную, почти детскую ладошку.

– Ой, простите... разболталась. А вы разве не знали, что ваш муж и Вероника как бы...

– Мой бывший муж, – четко поправила кардиолог. Отвела в сторону взгляд, сделавшийся задумчивым.

Но не удивленным. А как у человека, которому вдруг что-то стало ясным.

– Вижу, вас совсем не поразило, что ваш муж теперь с кондитершей, – довольно констатировала сплетница и поправила на коленях лаковую сумочку, сползавшую с шелков.

– Пожалуй. – Марьяна Викторовна смутно улыбнулась и сделала лицо приветливым, но сугубо официальным. – Итак. Какие у вас жалобы, Клара Геннадиевна?

Под окнами длинного сталинского дома, похожего формой на скамейку с короткими ножками, потерянно бродила немолодая тетушка в не новом, но чистеньком драповом пальто болотного цвета. В ее руке уныло висела коробка с пирожными, купленными неподалеку в роскошной кондитерской. Тетушка растерянно оглядывалась по сторонам и как будто не понимала, что ей дальше делать.

В присыпанном опавшей листвой дворе не гуляли дети, не сидели бабушки на мокрых лавочках. Пессимистичный октябрьский дождь накрапывал на плечи съездившейся тетушки, стекал с непромокаемой коробки с фотографиями ярких праздничных пирожных...

Из-за угла дома вывернула непомерно толстая Ольга Пав-

ловна с двумя пакетами в руках. Покачиваясь, словно утка, она несла раздутые пакеты, в одном из которых угадывалась картошка.

Усталая и промокшая, она недружелюбно поглядела на незнакомку, устроившуюся под козырьком ее подъезда. На ходу переложив пакеты в одну руку и принялась нашаривать магнитный ключ в кармане дутого пальто.

А незнакомка, встрепенувшись, бросилась навстречу.

– Простите-извините, вы не могли бы мне сказать, куда переехала Марина Станиславовна из пятьдесят девятой? – Горько поморщилась и потеряла перчаткой покрасневший от холода острый носик. Пока Павловна, недоумевая, куда запропастился ключ, шарила во втором кармане пальто, успела пожаловаться: – Я из Калининграда приехала, обещала сестре найти ее старинную подругу, приветы передать... И вот, – с обреченным видом приподняла коробку с роскошными пирожными, – теперь не знаю, что и делать.

– Из пятьдесят девятой, говоришь? Марина? – легко переходя на «ты» с ровесницей, сказала Ольга Павловна.

– Да! – обрадовалась калининградка. – Приехала, а здесь даже такой квартиры больше нет! После пятьдесят восьмой сразу шестидесятая идет.

– Идет, – согласилась Павловна и наконец-то разыскала ключ. – Лариска, богатейка, Маринкину квартиру выкупила и две в одну объединила.

– Ну что за незадача, – совсем расстроилась несостоявшаяся

ся гостья. – А вы не знаете, куда Марина переехала?

Московская тетушка собралась безразлично пожать плечами и войти в подъезд, но наткнулась на невероятно жалобный взгляд калининградки с замерзшим воробьиным носиком, в навверняка промокших ботах и буркнула:

– Есть где-то адрес. Дома.

– Ой! А вы мне его дадите? Пирожные такие любите?

Явно предлагая взятку за помощь, гостья подобревшей столицы приподняла коробку, и настроение у Павловны значительно улучшилось. Совсем прекрасным стало, когда представившаяся Люсей женщина вытянула из ее руки тяжеленный пакет с картофелем.

– Нам на пятый, высоко, – все-таки предупредила Ольга Павловна.

– Да ничего! Дотащим!

Ольга Павловна, многолетняя заложница своей верхотуры, помечтала, чтобы дотащили и ее саму. Поднимаясь на последний этаж дома, она останавливалась на каждом лестничном пролете и, пытаясь, бурчала:

– Дети мои вон по ипотеке в новостройки разлетелись, а я одна под самой крышей кукую.

– Так поменяйтесь, – никчемушно чирикнула гостья.

– Так поменялась бы давно! – парировала Ольга Павловна. – Но вот привыкла, понимаешь ли. Разве ж в нашем возрасте родные стены так легко меняют?

– Да, и не говорите. Я Марину практически не знаю, но,

наверное, и ей было непросто уезжать?

– За такие-то деньжищи? – Павловна фыркнула и утерла тыльной стороной ладони каплю пота, выскользнувшую из-под пышного берета. – Она на них целый дом построила! Где-то возле Фрязино.

– Ого. Я, наверное, сегодня к ней не поеду.

– А ты знаешь, где Фрязино? – мимолетно удивилась столичная тетушка.

– Ну... нет. Но догадываюсь, что не возле МКАД.

– Правильно догадываешься. – Ольга Павловна отперла дверь своей квартиры, рывком забросила через порог раздутый пакет и предложила: – Заходи. Только ноги...

Но Люся уже шаркала по коврику.

Под затрапезным драповым пальто гости оказался удивительно приличный жилет. Поблескивающий, невесомый и, не исключено, с гагачьим пухом. Окоченеть до воспаления легких Люся явно не собиралась, носочки теплые под боты придела.

Но острый кончик ее носа оставался красным до тех пор, пока добросердечная хозяйка не предложила гостье согреть руки под струей горячей воды из кухонного крана.

– Я сама так делаю, – сказала, отдыхая на пуфике возле стола. – Пока руки не согреются, даже пакеты не разбираю. Не то из непослушных пальцев что-то вечно выскальзывает... банка с помидорами вон недавно об пол грохнулась. Чайник поставишь? Там, на плите стоит.

– Конечно. И если не возражаешь... – Люся быстро ускользнула в прихожую, принесла оттуда сумочку и достала из нее затейливую жестяную коробочку с китайскими иероглифами. – Настоящий улун, – смущенно объявила. – Знакомый моряк привозит. Я его для чаепития с Мариной приготовила.

...Откусывая превосходные пирожные и запивая их чаем с изысканным тонким вкусом, Ольга Павловна думала: «Ну просто праздник какой-то». И малость удивлялась: первоначально Люся ей напомнила приبلудившуюся вымокшую кошку, сейчас раскрепостилась, лицо без грамма косметики помолодело и расправилось. Хорошая прическа появилась из-под простенькой вязаной шапчонки; гнедые волосы, сколотые заколками над ушами, поблескивали, словно Люся только что из парикмахерской. Обходительные манеры выдавали в ней хорошо воспитанную даму.

Библиотекарша, наверное, решила почему-то Ольга Павловна.

– Я вот сама совсем не умею печь, – разглядывая надкусанный эклер, погоревала Люся. – А сладкое люблю – ну просто невозможно! Один раз заказала на праздник пирожные у кондитера-частника, дома капнула на крем немного йода, и «сливки» посинели от крахмала. Везде обман, – вздохнула, – не знаешь, на кого нарвешься. Но на магазинные ведь тоже особенной надежды нет, так?

– Угу, – чавкнув, согласилась москвичка. – Хотя у нас в

шестьдесят первой Вероника живет, кондитер. Так у нее все честно. Сливки так сливки, масло так масло. Сливочное, не маргарин.

– В шестьдесят первой? На площадке, где раньше Марина жила?

– Ну.

– А я смогу ей заказ сделать? Если привезу Марине пирожные от бывшей соседки, может, порадую, – оживилась гостья. – Эта Ника заказы принимает? Девушка она чисто-плотная? Или... так себе?

Ольга Павловна обтерла салфеткой губы и руки от сахарной пудры, подумала и кивнула:

– Чистенькая. Хорошая девчонка.

Карие глаза Люси внезапно распахнулись и заволоклись слезами.

– Чистенькая... хорошая... Ну надо же, слово в слово. – Гостья всхлипнула.

– Чего это ты? – запереживала Ольга Павловна. Не приведи господи, припадочную к себе пригласила!

– Да вот... – Люся доверительно склонилась над столом, – перед самым отъездом из Калининграда, Оленька, я понятой была. Полицейские в соседнюю квартиру пригласили. И вот представь, я им точь-в-точь сказала: «Хорошая девчонка Света. Чистенькая». А у этой хорошей... мертвая бабушка, как мумия, год в кладовке пролежала, пока безработная Светка ее пенсию получала.

– Да ну! – Пораженная москвичка так отпрянула от шепчущей гостью, что второй подбородок вылез вперед, словно раздутый пеликаний зуб. – Точь-в-точь сказала? И тоже Света?

– Почему тоже? – удивилась калининградка.

– Так в Никиной квартире тоже мертвую Светку нашли!

– Мертвую? Но наша-то жива.

– Да какая разница! Светка. Мертвяк.

Калининградка приложила к щеке миниатюрную ладошку с тонкими пальчиками, изумленно покачала головой, и под ее заинтересованным взглядом Ольга Павловна поведала, как было дело.

Слушательница ей попалась – загляденье. Павловна даже коньячку накапала в рюмашки за помин души усопших в Москве и Калининграде.

– Ой, – прослушав, выдохнула Люся, – ну прям Москва-Москва у вас... Рассказываешь, Оленька, так, что никаких сериалов не нужно.

– Умею, – важно согласилась Павловна. – Да и событий у нас – пруд пруди.

– И все в твоём подъезде?!

– Угу. Светку схоронить не успели – в Ларискиной квартире, в шестидесятой, вора задержали.

– Ой! Наркоман, поди. Или пьяница? У нас таких тоже...

– Да какой наркоман! – перебивая, возмутилась Ольга Павловна. – Ларискину квартиру разве ж обычный наркоман

вскроет? Там – ЗАМКИ. И охранная сигнализация. А вора я видела, молодой мужик.

– Скажи еще красивый, – хихикнула калининградка.

– Ну, врать не буду, лица не разглядела. Он мордой вниз в прихожей лежал, когда я мимо по площадке проходила. Нас тогда полицейские на первом этаже задержали и не пропустили, пока ворюгу не схватили. Но на наркомана он точно не похож, не тощий, а такой... нормальный. Еще по капельке?

– А давай! – весело согласилась Люся. – Давай за полицейских. У меня сосед в полиции служит, так я, можно сказать, сплю спокойно.

Рука Павловны, сжимающая плоскую коньячную бутылочку, зависла над пустой рюмкой гостыи.

– Ну ты подумай... У нас ведь тоже полицейский есть! Правда, в соседнем подъезде. Но зато он к Веронике ходит.

– К той самой, вашей?

– Ну. С женой развелся и к Нике, говорят, похаживать стал.

– Скажи, пожалуйста, – покачивая головой, протянула гостыя. – Как все похоже... Как будто из Калининграда и не уезжала. А ваш полицейский какой? – прыснула совершенно по-девчачьи. – Тоже лысый и пузатый?

– Не-е-е, Люся. Наш Максимка – видный. Красотун! По нему тут все девчата сохли...

Тополев позвонил через три дня после первой встречи.

Игнат взглянул на осветившееся табло очередного копейного телефона, лежащего на журнальном столике, и неожиданно понял, что ему дьявольски не хочется брать его в руки. Он очень ждал этого звонка, прикидывал, планировал, готовился... Но когда на табло высветился номер Тополева, внезапно захотел послать все к дьяволу. Выбежать на улицу, затеряться во дворах, среди бомжей, среди строителей украинцев-молдаван-таджиков, нырнуть в канализацию...

– Да, Костя, слушаю.

– Здорово, Кот. Свободен?

– Разумеется. Куда подъехать?

– Выходи на улицу, тачка уже у подъезда.

Почему-то демонстрация – я знаю, где ты, я всегда рядом, мне только руку протянуть – подействовала отрезвляюще и благотворно. Кот даже вспомнил юность золотую. Когда-то он неплохо боксировал, так вот к поединку со слабым соперником он подходил на полном расслабоне, зато встреча с чемпионом заставляла мобилизовать ресурсы, о которых и не подозревал.

Встряхнув плечами, Котов шагнул в прихожую, быстро оделся. Достал с антресоли завернутый в полиэтилен футляр с «сульфидой» и, укладывая его во внутренний карман куртки, погляделся в зеркало.

Инженер средней руки. Не работяга, но и не офисный планктон. Одежда не дешевая, но и не шибко дорогая, без

понтов. За исключением ботинок, на обуви и перчатках вор никогда не экономил. И гладко брился. Уравновешенного «инженера» всегда любили женщины, тянущиеся к стабильности и семейному покою. Порой на высокого сероглазого мужика с интеллигентными чертами прыгали и резвые красотки, почуявшие за внешней мягкостью не сталь, а более дорогие металлы. Но таких уже сам Котов не выносил, предпочитал прыжкам беседу.

– Погнали наши городских, – отворачиваясь от зеркала, буркнул вор и... вздрогнул. Замер на секунду перед дверью.

Это выражение он подцепил от Вероники, когда та решила ему погадать.

И получается, что думал он о ней. Заставлял себя отодвигаться, но Ника все равно вращалась на подкорке его сознания.

Нехорошо это, не нужно. Пускай с девчонкой разбирается контора. Ему пустая тревога способна неожиданно выставить подножку.

Котов одернул куртку, сцепил зубы и перешагнул порог. ...Возле подъезда его дожидался знакомый джип с давешним шофером. Кот кивком с ним поздоровался, нырнул на переднее пассажирское сиденье, и автомобиль неторопливой парадной скоростью выехал на проспект.

Помчались. Соблюдая правила.

Котов в дороге молчал. Водитель в собеседники тоже не навязывался; в салоне негромко бубнило «Comedy Radio»,

шофер порою хрюкал – посмеивался типа.

Минут через двадцать автомобиль въехал в истинно старомосковский переулок, кривоватый, с односторонним движением, и за джипом тут же, из двора, вырвался фургон «Доставка мебели»... который намертво заклинил движение.

Респект, толково получилось. Игнат неплохо знал этот район. Даже учитывая, что наружка работает на нескольких машинах, сложно представить, как ребята исхитрятся опять «упасть на хвост».

Джип, попетляв еще полчасика, завернул на парковку небольшого ресторана, и водитель, наклонившись вбок, показал Игнату пальцем на служебную дверь заведения:

– Тебе туда.

Сегодня Тополев таки подждал Кота в отдельном кабинете. Обстановка, правда, ничуть не располагала к застолию, хотя коньяк и сырная тарелка все же стояли на низком столике. В помещении слегка ощущался запах кальяна. Федорович сидел барином, разложив руки по невысоким спинкам дивана, заложеного подушечками с вышитым восточным орнаментом.

У окна замер Марат со знакомым прибором в руках.

Топляк, молчком взирая на Игната, изобразил движением плеча: чего поделать, Кот, такие правила. Марат обвел гостя прибором, не обнаружив на нем подслушивающих устройств, повернулся к хозяину:

– Все чисто, Федорович, – и уже Игнату:

– Здравствуй, Кот. Как сам?

– В порядке. Вашими молитвами.

– Нашими молитвами, Котик, – усмехнулся Тополев, – ты скоро станешь очень-очень богатым человеком. – Но когда вор достал из кармана бархатный футляр, поморщился и отмахнулся: – Оставь пока. Поговорим. Садись.

Не выказывая удивления, Котов вернул коробочку в карман куртки, повесил ее на рогатую вешалку в углу. Обошел стол и приземлился напротив Тополева на диване, имевшем форму буквы «П».

Марат по сигналу шефа налил в два фужера коньяку и тут же вышел.

– Есть разговор, Кот, – нагибаясь к столу за фужером, произнес Топляк. – Точнее, предложение. От которого можно отказаться...

Явная незаконченность фразы и многозначительный взгляд Тополева подразумевали «...но не советую».

– Слушаю внимательно, – сказал Игнат и отхлебнул недурственного коньячку.

– Рад. – Константин сел полубоком, покрутил бокал, гоня по его стенкам золотисто-коричневую жидкость. Полюбовался ее густой маслянистостью. – Есть у меня друг, Кот, – перевел взгляд на визави и усмехнулся над собственной формулировкой: кто-то сможет поверить, что у Константина Федоровича Тополева есть друг? Поправился: – Приятель. Очень давний. И этот друг, – решительно все-таки под-

черкнул Топляк, – обратился ко мне за помощью, проблемы навалились. И одна из них – с единственной дочкой. Кондитером. Догоняешь?

Котов промолчал. Топляк размеренно продолжил:

– Дочка эта держит кофейню-кондитерскую в Подмоскowie. В городе, где они сейчас живут. Отношения с папой у нее – сложные. Камень преткновения – ее бойфренд. И вот папа сделал уже мне предложение, от которого я очень не хочу отказываться. Мне, Котик, надо сделать так, чтобы дочь моего друга забыла о существовании своего бойскаута...

– А ты адресом, Костя, не ошибся? – не скрывая недовольства, перебил Котов. – Я не помогаю людям забыть о близких.

Тополев дернул уголком губ.

– Решил, что я тебя на мокруху подписываю, да? Чудак. Если бы все было так просто, я б с тобой сейчас не разговаривал! Разобрался бы с ее бойфрендом давным-давно и без твоей помощи! Но нет, Кот, задача в том, чтобы сделать все элегантно. Мой друг уже пытался сам решить проблему, но его умная дочурка вычислила папку и так раскипятилась, что папка подарил ей целый кондитерский цех, а она с ним до сих пор толком и не разговаривает. А дочка, хочу заметить, единственная. Горячо любимая.

Котов надул щеки, задрал вверх брови и шумно выдохнул. Ситуация, на его взгляд, оборачивалась чистейшим фарсом.

Догадавшийся о его мыслях Топляк лишь крикнул:

– Да знаю я, как это выглядит! – Досадливо взмахнул рукой. – Девочка мальчонку завела, а папка против... Ромео и Джульетта, мать твою. Но сделать, Котик, нужно. Потому как цена большая.

– Хочешь со мной поделиться?

– Да нет, Кот. Цена не денежная. Но рассказать подробности могу только в одном случае – если ты согласишься вписаться.

– А если я не соглашусь?

Топляк сразу не ответил. Мрачно разглядывая Котова, он выбросил:

– А куда ты, на фиг, денешься? С подводной лодки...

Кот обдумал угрозу. Прикинул варианты.

Если бы не договор с конторой, то можно было бы попробовать свалить отсюда, съехать с непонятной темы. Заставить его Тополев не может, никакой точной информации он пока не выдал – все в обтекаемой форме, без привязок, без имен-фамилий-адресов. Какой-то старый друг, строптивая девчонка... Какое Косте дело до ее шалостей?! Пусть даже ее папка трижды его друг.

Тут дело в чем-то архиважном. Топляк отказывается брать алмаз (!), три дня мурыжил, наверняка Веронику и Ковалева все это время пробивал, старался...

Чего такого предложил ему друг, раз по-акульки жадный Костя отказывается выкупать желанную «сильфиду»? И вымотал все нервы.

Да, интригующая тема. Так вписываться или нет?

А ну их всех! Чтобы не связываться с Тополевым дальше, лучше за убийство по неосторожности присесть. 109-я статья УК РФ. Там много не дадут.

Ан нет. Разобидевшись, контора забудет про секреты и привлечет уже по полной, добавив еще и статью за кражу бриллианта... А на зоне вора-неудачника будет ждать теплый прием и чистейшая жесьть.

Представив, что сделает с ним Костя Федорович, когда узнает, что за кражу «Поцелуя сильфиды» Котова взяли, но он на голубом глазу предлагал ему выкупить засвеченную вещь...

Ох! Здесь лучше не сосредотачиваться. Хотя куда от этих мыслей...

В размышления Игната воткнулся голос Тополева:

– Я помогу тебе решиться, Кот. Если ты согласишься, я увеличу гонорар за камень до шести.

– Не понял. За то, чтобы какая-то девочка рассталась с мальчиком, ты готов еще миллион евро отвалить? – с оттенком недоверчивости уточнил вор.

Тополев фыркнул:

– До шашней девочки мне – до звезды. Меня интересует предложение ее папаши. А тут, Кот, мне нужны вы оба – ты и твоя кулинарша. Оба, повторяю.

Вор взял со столика фужер, выцедил коньяк до капли. Подумал и хрипло, сморщившись, сказал:

– Ну хорошо. Валяй. Куда я, действительно, с подводной лодки...

– Давно бы так. Не то уговариваю тебя, как гимназистку на соитие.

Тополев сел прямо, свесил сомкнутые руки между высоко задравшихся коленей – диванчик заведения в восточном стиле был низковат, – заговорил по существу:

– С Яковом Борисовичем Чудовым я познакомился в конце девяностых. И Яша, Кот, – кудесник. Оправдывает свою фамилию на двести пятьдесят процентов. Когда заводы-фабрики еще по беспределу отжимали, он, один из первых, начал внедрять у нас серое рейдерство. Такие схемы и лазейки находил... – Тополев аппетитно причмокнул. – Вах! Директор утром приходит на предприятие, а он уже там – никто. И все документы у рейдеров грамотно оформлены. Причем знаешь, что интересно. Яшу не столько конечный результат интересовал, сколько сам процесс. Он говорил, это – как грибы собирать или рыбу ловить: выбрал точный момент, подсек – и вытащил щуку. Или долго-долго топал по лесу и, наконец, нашел! Вот-т такущий боровик...

Тополев, видимо обрадованный согласием Котова, говорил цветисто, артистично. Но впрочем, если вспомнить о его восточном воспитании, то все звучало в принятой манере его предков по материнской линии. Прорывалась в Топляке цветистость. Как, впрочем, и упоминаемое хлебосольное радушие.

– А в две тысячи шестом, Кот, все закончилось. – Тополев помрачнел, поиграл желваками на скулах. – Машину Яши обстреляли, он уцелел, но погибли его жена и водитель... Короче, Яков остался с девятилетней дочкой на руках, потом долго не мог решиться заново жениться... Сейчас Дарье двадцать четыре. Пару лет назад у нее появилась мачеха, почти ровесница... Все сложно, Кот.

– Все обычно, Костя, – не согласился вор.

– К сложностям я только подхожу. После гибели первой жены Яша решил посвятить себя дочери и, как его ни уговаривали, отошел от дел. Поселился в подмосковном городке, естественно, стал там фигурой. Не сразу, постепенно, но уверенно, – масштаб ума не позволил, понимаешь ли, совсем затихариться. А городок тот, Кот, был к тому времени уже поделен, Якову пришлось локтями поработать. И вот с сыном его главного городского конкурента Дашка-то как раз и связалась.

– Вражда такая непримиримая, что ради дочери о ней забыть нельзя?

– Была попытка, – кивнул Тополев. – Но там папашка... азербайджанец, рынки и поставки с юга держит, тоже с выбором сына не согласен. Вроде как у этого Руслана уже какая-то невеста из своих есть... Но я о другом: Яков с эти азербайджанцем из-за романа детей схлестнулся еще хуже, вдребезги.

– Глупость какая-то. Средневековье.

Тополев вздохнул согласно и, изображая кавказский ак-

цент, надувая губы, спесиво выговорил:

– «Ты чего, Вася, на моего сына баллон катишь, а? Ты кто такой? Мне твоя дочка задаром не нужна...» – Приподнял руку и пренебрежительно побрызгал пальцами. – «Давай, давай, гуляй отсюда».

– Ясно. Но все еще не по сути дела.

– Подхожу. С середины девяностых Яков собирал рабочее досье на всех своих клиентов. Я думаю, что для страховки, но Яшка побожился, что мечтает книгу написать. Учебник, блин! «Как развести лоха» или «Как лоху остаться с бабками»! Короче, он оставил всю документацию со своими пометками в заглавнике, до поры до времени ее не трогал, выжидал, пока по тем делам срок давности истечет. Сам понимаешь, темы там серьезные, даже если поменять фамилии в учебнике на «некто» и «госпоина N», лучше все равно поостеречься – судебными исками завалят...

– Не веришь Чудову? – перебил Игнат.

– Самое смешное, верю, Кот! Офигел, конечно, когда услышал про его книжную мечту и про архив. Но все-таки поверил. Яша же азартный... был. Пока не скис в своем Подмосковье.

– Так и повод был. Серьезный.

– Согласен. Дочка для него – главное. И вот если я помогу ему решить пару проблем, он передаст мне документы на уroda, который у меня, – Топляк внезапно и зло чиркнул себе ребром ладони по горлу, – во где! – Закашлялся и захри-

пел. – С землей сровняю с-с-суку!

Ух ты. Коту, конечно, доводилось видеть взбешенного Тополева, но чтобы так, завестись с пол-оборота и полстола слюной забрызгать... Давненько не бывало.

Константин Федорович успокоился так же внезапно, как и вскипятился. Обтер нижнюю часть лица ладонью и, еще в сердцах, продолжил по-командирски:

– Значит так. Слушай сюда, Кот. Чтобы получить то, что пообещал Яша, мне нужно решить разом две проблемы. Во-первых, с женихом. В городе у меня уже работает человек, но там все оказалось гораздо сложнее, чем мы предполагали. Яков уже пытался разлучить Дашку с Русланом, но только все испортил, осложнил. Даша всегда-то была закрытой девочкой, сейчас вообще никого к себе не подпускает. Но, – Тополев задрал вверх указательный палец, – у нее есть фишка, можно сказать, сдвиг по фазе. Получив диплом экономиста, она взбрыкнула и завела себе кондитерскую. Догоняешь? Понял, зачем мне твоя Вероника?

Тополев перегнулся в поясе, поставил локти на низкий столик и сосредоточил ледяной взор на собеседнике.

Котов насмешливо хмыкнул. Картинно почесал в загривке.

– Ну хорошо. Предположим, что с Вероникой мне все ясно: тебе потребовался засланный казачок в ее кондитерской. Но вот я-то зачем тебе, а, Костя? Ты мог сам попробовать договориться с Никой...

Топляк произвел жест согнутой рукой, с которым обычно восклицают «Бинго!».

– Молодец, Кот! Если бы ты не задал этот вопрос, я бы начал в тебе сомневаться. Подумал – хватку потерял. Сам догадаешься? Или подсказать?

– Не нужно. Ты нацелился на *все* досье Чудова.

– Так, так, – весело кивнул Тополев. – Продолжай.

– Ты надеешься, что я вскрою для тебя какой-то сейф... который прежде еще и разыщу. И принесу досье в зубах... – На этих словах Котов сделался очень серьезным. – Цена вопроса, Костя, поменялась.

– Согласен. Семь... Нет! Восемь. Кот, восемь миллионов, если ты мне принесешь весь чудовский архив.

– А ты там тоже есть? Поэтому так хочешь его получить?

– Да нет, Кот. Вот хочешь – верь, хочешь – нет, но я, Кот, единственный из всех, с кем Яша работал, но кого он никак не подозревает в гибели жены. В день ее гибели Яша должен был приехать на предприятие, которое готовилось стать моим. Без него, Игнат, я мог попасть на фантастические бабки и был совершенно не заинтересован в его отсутствии и даже задержке. Можешь поверить, когда завод все-таки перешел ко мне, его бывших владельцев мне было совсем не жалко. Земля пухом им не стала, паршивые были людишки... А теперь вопрос, Кот. Как думаешь, где или у кого могут храниться документы Чудова?

Игнат повел плечом.

– В банковской ячейке. У нотариуса, вместе с завещанием. У адвоката.

– Мимо. Яша сам себе адвокат. И я его тебе немного описал – рыбак-грибник, процесс важнее.

– Тогда не понимаю.

– А этого никто не понимает. Кроме меня. В день, когда его жена погибла, Яша мне позвонил и сообщил, что не придет. Я, сам понимаешь, стал горячо настаивать, и он мне ответил... Сначала, правда, по матушке послал, но суть не в этом. Он мне сказал, что давно подготовился к каждому повороту в деле. Он с самого начала расписал все-все и теперь отдал это руководство своему помощнику. Но когда я все-таки засомневался, он проорал: «По моей записке с задачей даже ребенок справится!» Ну и еще раз по матушке приложил. Но суть снова не в этом, суть в том, что Яша, Кот, забыл, что это говорил. Тогда ему ни до чего было, жена на руках умирала. А уже сейчас, когда он ко мне приехал, я завел разговор о его заметках «все-все», но он, кажется, даже не понял, о чем я, собственно. Слова «с этим справится даже ребенок» он, Кот, забыл.

– То есть ты думаешь... архив у Дарьи?

– Нет, это навряд ли. Слишком опасно. Но своим коллегам Яков не доверяет, это точно. Скорее всего, он подготовил для наследницы подробное руководство к действию, и, если после его смерти – естественной или не очень – на нее кто-то наедет, Дашка сумеет защититься...

– А срок давности? – перебил Котов. – Дела, как понимаю, из девяностых тянутся.

– А репутация, Кот? С этими документами от делового человека мокрое место останется! Тряпочкой с пола можно будет собирать.

– У нас весь крупный бизнес можно с пола собирать, – чуть слышно буркнул Котов.

– Согласен. Но нервотрепка никому не нужна. Тем более если человек с западниками работает. Репутация, Кот, годами наработывается, а потерять ее можно, – Тополев щелкнул пальцами, – как нефига делать.

Константин Федорович самодовольно откинулся назад, широко раскинул по невысокой спинке дивана руки.

– А что там «во-вторых»? – напомнил Котов.

– Перехожу к основному блюду, – ухмыльнулся Федорович и тут же посерьезнел, выпрямился. – За день до приезда Яши ко мне его помощник проверил Дашкин рабочий кабинет и нашел там скрытую камеру. Кто-то начал следить за его дочкой, Кот. Яша ее кабинет нечасто проверяет, но раз в месяц – обязательно.

– О как. Камеру его помощник на отпечатки пробил?

– Нет, не успел. Вначале он позвонил Якову Борисовичу и доложил. Спросил, что делать: изъять камеру или ситуацию можно использовать для дезинформации? Но Яша очканул и приказал изъять и отвезти на экспертизу, снять ДНК и эти самые отпечатки пальцев... Но вот когда его человек

вернулся в Дашкин кабинет, камеры там уже не было. Жучок убрали буквально за какие-то минуты! И получается, в кафе работает кто-то из ближайшего окружения Дарьи. Причем работает нагло, дерзко. Помощник выяснил по стационарным камерам наблюдения кондитерской, что посетитель не успевал проскользнуть до кабинета. И получается, что камеру поставил кто-то из своих, тех, кто свободно шастает возле кабинета хозяйки – официантка, повар, охранник... И тут уже, сам понимаешь, Яша занервничал всерьез.

Котов, выдвинув подбородок и вытянув нижнюю губу, кивнул. Дела, как оказалось, оборачивались хуже некуда. Если Топляк не преувеличил, а сказал, как есть, то архив Якова Борисовича – чудовищная бомба. В умелых руках так даже ядерная. Если использовать эту бомбу ограниченно, то можно долго собирать ошметки от каждого бизнесмена-джентльмена в отдельности. Если устроить массовый сброс в СМИ или в Интернет... рванет так, что биржи пошатнутся. Готовый к колебаниям определенных акций человек озолотится.

Н-да... Восемь миллионов за такую операцию, можно сказать, семечки. Тем более что «сильфида», пусть даже краденая, стоит гораздо больше. Костя, хват, почти задаром такую махинацию провернет... что свидетели ему не нужны.

«Я – покойник, – вяло подумал Игнат. – Свидетелей в таких делах не оставляют».

А что начнется в конторе, когда рекрут-Котов принесет в клюве эдакую весть?

Н-да, попадос со всех сторон. Контора будет бдеть об интересах государства, чьи биржи всколыхнутся...

«Бедная Вероника, – почему-то соскользнул с высокого Игнат. – Пока ее особенно не трогают, не принуждают... как только я известие доставлю... вцепятся в горло и руки выкрутят. Заставят проявить лояльность к Топляку».

– О чем задумался? – спросил Константин.

– О разном. О суетном и о смерти.

– Эка тебя понесло. Не надо, Котик, помирать. Ты мне еще нужен.

– А после?

– В смысле? – Топляк изобразил непонимание.

– Ну-у-у... Я не могу быть уверен, что ты не используешь меня втемную, причем поставив на передний план. Я появлюсь в том городе, а ты через пару дней попросту ликвидируешь Чудова, чтобы его девочка метнулась к кубышке и привела меня к архиву, так? Но если я вляпаюсь... это уже мои проблемы, ты – в стороне.

– Обидел, – с горечью сказал Топляк.

– Костя, у тебя в том городе уже работает человек. Что он готовит – расставание девочки с бойфрендом или снайперскую лежку?

Тополев фыркнул и неожиданно расхохотался. Причем так искренне, что Игнат поверил: он только что сморозил чушь.

Давясь смехом, Костя крикнул:

– Эй!

Дверь кабинета распахнулась, и в проеме возник Марат. Веселый Тополев несколько раз махнул ладонью, изображая жест «давай, давай сюда». Но бывший борец почему-то закрыл дверь с той стороны.

Продолжая басисто похохатывать, Константин сказал:

– Сейчас, Кот, я познакомлю тебя со своим «снайпером».

Ох, насмешил, ей-богу, молодец...

У Котова появилось смутное ощущение, что его снова развели. Непонятно как, незнамо на чем, но Тополев опять вел свою партию первой скрипкой. Игнат только ноты перед ним переворачивал.

Дверь снова распахнулась и пропустила в кабинет невысокую элегантную шатенку неопределенного возраста, в отличном костюме расцветки «гусиная лапка» и лакированных шнурованных ботиночках, которые с одинаковым восторгом могут носить и продвинутые бабушки, и их внучки. Элегантная мадам быстро что-то пережевывала и старалась проглотить.

До Котова дотянулся аромат ее изысканных духов...

Тополев, встречая даму, встал с дивана.

– Клара Геннадиевна, звезда моя. Всем ли довольна?

– Пахлава, Костенька, изумительная! Попроси, пожалуйста, принести мне еще кофе.

– Обязательно. Марат! – Отправив помощника к официанту, Федорович широко повел рукой. – Позволь, душа моя,

представить тебе Игната. Я тебе о нем рассказывал.

– Как же, как же...

– Игнат, перед тобой бесподобная Клара Геннадиевна, – понизил голос до доверительного шепота, – поверь мне, Кот, если бы тетя Клара умела еще и сейфы вскрывать, ты бы мне в жизни не понадобился.

Мадам, которой можно было дать и шестьдесят лет, и сорок пять, кокетливо заслонила глаза крохотной расправленной ладошкой.

На Котова все более накатывало ощущение, что перед ним, единственным здесь зрителем, разыгрывают спектакль. Дуэт из Федоровича и тети Клары давно сыгран, из-под расправленных пальцев жеманничающей Клары на Котова нацелен цепкий взгляд.

Занятная особа.

Тетя Клара мило попросила «племянника» переставить стул от стены к столу – на низкий диван мудро не уселась, – приземлилась напротив двух мужчин и сразу превратилась из кокетливой девчонки в осанистую бизнесвумен. С хорошим стилем, острым носиком, отличным клатчем на коленках.

Очень интригующая особа. Она мгновенно уловила шутовское настроение Кости, подстроилась и отыграла пас. Непростые роли шаловливой барышни и гендиректора ей удались одинаково. Если добавить в воображении к ее небольшому росту сантиметров десять каблука, то фиг пред-

ставишь, насколько ее амплуа расширится.

Мошенница с приличным опытом?

Пожалуй. Игнат помнил времена, когда Константин Федорович, даже уже значительно разбогатевший, снимал стресс, подключаясь к лохотрону знакомых пацанов. Любил немного пошалить, проказник, прикинуться перед простым народом.

Эта Клара, судя по возрасту, вполне могла работать в бригаде таких вот уличных разводил.

– Игнат, я думаю, последний твой вопрос мы можем снять? – с проклюнувшейся суровостью поинтересовался Тополев.

Может быть, рассчитывал, что Котов будет извиняться?

– Сняли, Костя.

– Рад. Спроси у Клары Геннадиевны обо всем, что тебя интересует, – позволил Костя и откинулся на спинку дивана, как бы оставляя на сцене только двух актеров.

Котов изобрел вопрос и понял: ему не удалось избавиться от ощущения налета театральности на происходящем.

– В каком амплуа вы появились возле Дарьи, Клара Геннадиевна?

Мадам на секунду приподняла идеальные брови. Вероятно, удивилась выбору слова «амплуа». Но не стала заострять внимание на пустяках.

– Из собранного на Дашу досье мне удалось понять, что она очень одинока. Нет подруги, с которой она бы ежеднев-

но перезванивалась, коллеги – подчиненные, не ровня. Даша целиком посвятила себя работе и... Руслану. Приблизиться вплотную мне, увы, не удалось. Хотя такой девушке просто необходима, как мне кажется, наперсница. Друг, собеседник. Выбирать амплуа мне было не из чего, приблизиться не получилось, я устроилась на работу в ее кафе... – Клара Геннадиевна весело хмыкнула, – посудомойкой. Которые всегда нужны.

Многоговорящий факт, подумал Котов. Лощеная мадам... в посудомойки... Кто вы, Клара Геннадиевна? Почему кладете грудь на чужие амбразуры?

Котов перевел взгляд на безупречный маникюр мадам.

– Работаю в перчатках, – усмехнулась тетушка. – Придерживаюсь поведения вдовствующей герцогини в стесненных обстоятельствах... над которыми никто не властен.

– Таинственность плюс чашечка кофе, вовремя поданная одинокой бедной девочке?

– Вы верно поняли, Игнат. Чашка кофе и ласковое слово.

– Не реагирует?

– Не-а, – жизнерадостно подтвердила нынешняя посудомойка. – Любезна, но не более. А как я знаю, Игнат, у вас есть *ровня* для Дашеньки? Из маленького городка, как понимаете, все лучшие кадры утекают в столицу. Даша задыхается без хорошего технолога. Ваша Вероника ведь закончила политехнический колледж?

Котов молчал. Уже понятно, что без Вероники в этом деле

никак и никуда, но все не мог заставить себя поставить собственную подпись под принятым другими людьми решением. Он чувствовал, он понимал: Ника ни за что не согласится участвовать в афере! Другая выделка у нее, авантюризма ни на грош.

И едва ли ее можно подкупить или заставить. Она «сильфиду» полицейским отдала – не дрогнула. А после самого Котова – на его поле! – обыграла будь здоров.

Цельнометаллическая барышня, без пустот внутри.

– Клара Геннадиевна...

– Можно просто тетя Клара.

– Тетя Клара, Константин, – Котов обвел собеседников удрученным взглядом, – Вероника... мягко выражаясь, сложная персона. Она может отказаться. Да нет, что я говорю, она обязательно откажется!

– Работать за пару миллионов евро? – удивился Тополев. – Ты же не пожадничаешь, поделишься.

– Не в этом дело, – покривился вор. – Она вообще не по этим делам. Жанне пришлось прилично надавить, чтобы Ника вписалась в тему с Сальниковыми.

– Так она Жанкина креатура, не твоя?

– Все еще хуже. Жанне как-то понадобилась помощь полицейского, она к Нике обратилась, и та свела ее с Максимом. А помощь нужна была особая. Мент просьбу выполнил, денежки взял, и Нике потом уже некуда было деваться. Сложно с ней...

Тетя Клара перебила:

– Пустяки. Позвольте мне с Никой переговорить, и я все решу. Обещаю.

– Маловероятно, она ершистая, – продолжил настаивать вор. – Ника еще не оправилась от ужаса с «сильфидой», мне пришлось даже пообещать, что я оставлю их с Максом в покое...

– И все-таки я с ней поговорю.

– Угу. И отправит она вас, тетя Клара, лесом. В самый твердый пень.

– А, чепуха. – Миниатюрная Кларина ладошка беспечно взметнулась вверх. – Чего я в том лесе не видела, мальчики? И вообще... ну кто обидит бабушку? – кокетливо чирикнула мадам, в любой момент, как понимал Котов, способная клацнуть волчьими зубами. – Там и делов-то... С моими наработками Вероника легко войдет в доверие к Дарье, найдет контакт. Я – на подхвате, подстражую.

– То есть... – Котов поглядел на Тополева.

– Тетя Клара работает с вами, – твердо заявил тот. – Это не обсуждается.

– Понятно. – Игнат упрямо наклонил голову, бросил на Тополева мрачный взгляд...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.